

прех. к изд. Труд - с 4

Булат ОКУДЖАВА, поэт:

«ИНАЧЕ НА МИР Я ГЛЯЖУ»

КОГДА МЫ ДОГОВАРИВАЛИСЬ ОБ ИНТЕРВЬЮ, БУЛАТ ШАЛВОВИЧ СКАЗАЛ, ЧТО БЕСЕДОВАТЬ МОЖНО, КОНЕЧНО, О МНОГОМ, НО СЕГОДНЯ ЛИЧНО ЕГО ПО-НАСТОЯЩЕМУ ВОЛНУЕТ ТОЛЬКО ОДНА ТЕМА — ВОЙНА В ЧЕЧНЕ

— Вот ведь странно как: казалось бы, мы уже ушли и от тоталитарного общества, и от имперски настроенной власти, а кровь льется по-прежнему и власть с упоением воюет...

— Дело даже не в этом. Сегодня всякий разговор о Чечне вызывает желание ругать власть. А это уже надоело. Потому что самая легкая вещь — порицать правителей. Разумеется, их есть за что порицать, но сколько можно?

Для меня Чечня — это не просто сегодняшняя трагедия. Для меня это прежде всего — история России. Здесь проявляются две наши застарелые болезни. С одной стороны, наша неграмотность и абсолютное отсутствие интереса к собственной истории, с другой — политическая амбициозность, нежелание уступать, неумение договариваться. Если представить ситуацию в Чечне в человеческих образах, то мы видим взрослого, плохо воспитанного и не очень грамотного верзилу, которого обидел мальчик с тяжелым характером и тоже дурно воспитанный. Верзила начинает его бить — он же сильнее, а мальчик огрызается...

Если бы мы хоть мало-мальски интересовались своей историей, то знали бы, что Чечня — единственная народность и единственная земля, которая никогда добровольно к России не присоединилась. Все началось с российского интереса к этой территории. Необходимо была связь с Закавказьем, а на пути стоял какой-то маленький народ, который нужно было приструнить и захватить его территорию. Оказалось, что этот народ

хочет сопротивляться, может сопротивляться и умеет это делать. Завоевание его длилось около 60 лет — выжигали, уничтожали, лилась кровь. Русская и чеченская. И Россия стала выглядеть в глазах чеченцев захватчиком, оккупантом. Ну а потом чеченцам пришлось как-то смириться. Но все это осталось в генах. Они-то свою историю хорошо знают, как всякий маленький народ.

Прошли годы, все немного успокоилось, и вот в 1944 году снова этот народ был объявлен врагом и выселен на вымирание. И опять несколько поколений выросло на ненависти к насилию, идущему из России. Сегодня мы снова сеем ненависть, которая с молоком матери передается детям. Отсюда — постоянное стремление Чечни к независимости, нежелание присоединяться. «Сепаратизм» — по-нашему, «свобода» — по-чеченски.

Прав Булат Дудаев или не прав — мне совершенно не интересно. Меня интересует, почему мы хотим, пользуясь своим могуществом, так просто, силой, решить вопрос с маленьким народом?

— Булат Шалвович, вы говорите «мы». Но все-таки насилие исходит от власти...

— Дело тут не во власти. Пока в нас еще жива эта имперская рабская психология, любая власть будет ее выразителем. Как сказал один мудрец, раб мечтает не о свободе, он мечтает иметь своих рабов. Я встречал очень много неглупых и порядочных людей, которые, раздумывая на чеченскую тему, пытались как-то оправдать действия, направленные на уничтожение маленького народа. Говорили они обычно, не глядя в глаза: ну что поделаешь — все-таки целостность России надо сохранить...

— В начале 90-х годов мы радовались: наконец-то все встало на свои места — государство для человека, а не наоборот, как раньше. Но прошло время, и вот нынешние лозунги компартии Зюганова — «Россия, страна, народ» — нас уже совершенно не коробят, хотя в этом триумфирате человек-то как раз и затерялся.

— Это хроническая наша болезнь и амбиции имперские. Как это ты меня не послушался, не по-моему поступил? Вот я сейчас тебе покажу! И даже когда плохо дело, когда погибло столько наших мальчиков, которых в Чечню согнали бездарные генералы, все показываем. Вместо того чтобы сказать: ладно,

давайте сейчас затихнем и разберемся, подумаем, выведем войска, повинимся. Но куда там!

— Мы же никогда не каемся, хоть и считаем себя христианами.

— Да. Не раскаиваемся в своих дурных делах и не помним добрых дел других. Это тоже наша старая болезнь. Например, в двадцатые годы во время гражданской войны Америка помогала нам, спасала от голода. С тех пор прошли десятки лет. Ну хоть раз в выступлении кого-то, где-то было сказано спасибо? Нет. Во время Отечественной войны я сам уже носил американскую обувь, одежду, пользовался американским оружием, ел американскую тушенку и прочее. Хоть раз спасибо сказали? Ничего не сказали.

Кого винить за Чечню? Сегодня Ельцин отвечает как президент, завтра будет Петров, потом Сидоров. Какая разница? Мы все — из советской школы, все с одной психологией.

— Не сгущаете ли вы краски? Ситуация с Чечней как раз показала, что психология меняется. Сколько людей выступили против этой войны! Тот же Сергей Ковалев, который протестовал с самого ее начала. Да и сегодня он единственный из гайдаровской партии выступил против поддержки Ельцина на выборах...

— Все-таки надо быть практиком. Размахивать руками мало толку, надо считать с реальной ситуацией. У меня тоже тысячи претензий к Ельцину, но я знаю его, знаю, на что он способен. Сейчас речь идет не о том, кто чуть лучше, чуть хуже, — слишком велика угроза прихода к власти коммунистов. Поэтому для меня выбора нет — голосовать надо за Ельцина.

У меня такое ощущение, что он уже давно понял свою ошибку с Чечней. Ощущение это складывается по каким-то отдельным репликам президента, по выражению его лица. Я ведь все-таки профессионал — выражение лица для меня очень важно. Чувствую, он давно уже сам с собой не согласен и считает, что не совсем был прав. Но признаться и заявить об этом не может.

— Тут, наверное, и окружение президента играет немалую роль?

— Вокруг него много всяких людей. И, к сожалению, его недовольство, я чувствую это, легко направить на других. Не случайно Явлинский потребовал убрать из руководства некоторых людей. Думаю, их

гораздо больше, чем он назвал.

— Говорят, короля делает свита.

— Может, я не прав, но мне кажется схема тут простая. Мы начали строить демократическое общество, не понимая, что такое демократия. Во всяком случае, какая-то часть людей этого хотела. Пришел Ельцин, его поддержали, он всем благодарен. Но потом поддержавшие его люди стали выражать свое несогласие с тем, с другим, с третьим, критиковать стали. Это его оскорбляло и обижало. Вот тогда он и сказал: да идите вы от меня подальше, лучше я буду с Грачевым — свой человек. И так постепенно всех мало-мальски образованных, приличных людей убрал. Конечно, не все из них — идеальные люди.

— Вы считаете, что это — психология конкретного человека или традиции нашей политической культуры, вернее, отсутствие таковой?

— Когда я говорил, что мы всегда отличались отсутствием культуры — политической, экономической, нравственной — мне возражали: позвольте, а наша великая литература? Да, великая. Но кто ее создавал? Кучка дворян, связанных с Западом, хорошо воспитанных, образованных, в которых проявился талант. А потом их всех уничтожили. Осталась в основном серая, малообразованная масса. Что ж говорить? Бескультурье наше, холопство начинается еще с крепостного права. Мы все время ждем, что придет хороший хозяин и все решит. В старые времена ждали барина, царя, потом — что скажет генсек, секретарь ЦК. Большевиком ведь ничего нового не создал, он только усугубил старые пороки. Я считаю, что большевизм — это наше, российское явление, связанное с нашей психологией, с нашими корнями. Так же, как нацизм — немецкое, фашизм — итальянское, маоцзедунизм — китайское.

— А сегодняшнее время как бы вы определили? Понятно, что большевизм как психология еще жив, но ведь многое изменилось. Мы вот с вами сидим и спокойно беседуем о Чечне, о президенте, потом опубликуем наш разговор в газете...

— Принято называть это время переходным периодом. Я согласен.

Мы хотим быть цивилизованным обществом, культурным, гуманным. Но этому надо долго учиться. И лечиться — долго. Для другого общества переходный период может быть и коротким, а для нашего необходим долгий и очень трагичный. Лучший здесь учитель — обстоятельства.

В 85-м году мы, по своему сознанию холопы, не привыкшие самостоятельно жить, пришли к совершенно новым обстоятельствам. Прошло лет пять. Помню, были выборы, кажется, в Верховный Совет. И туда в числе других баллотировался художник Илья Глазунов. Я тогда с ужасом подумал: ну если он избирается — плохо наше дело. Потому что я знаю его радикальные взгляды и в то же время знаю, что он очень популярен — очереди на его выставку стояли по 2 — 3 месяца. Но его не избрали. И я понял, что люди уже немножко поумнели, обстоятельства стали вынуждать их думать.

Так же и сейчас. Хотя многие находятся в некотором шоке, в безвыходном, казалось бы, состоянии, но все думают, размышляют, спорят — ищут какую-то истину, правду. И будут искать долго. Если на этот раз неправильно определят ее — скажем, выберут коммунистов, — на своей шкуре снова испытают все, закричат от ужаса, поймут сами и детям своим накажут. Так постепенно будет вырабатываться новая психология. Нахлебавшись, тогда пойдем.

— Разве обязательно нахлебаться, чтобы понять?

— Очень немногие умеют думать самостоятельно. Остальным, чтобы понять, надо все почувствовать на себе.

— Должны ли мы уважать выбор народа, даже если он ошибается? Известно, что многие политики, да и вообще культурные люди не хотят общаться, стараются держаться подальше, например, от Жириновского. А им говорят: что это вы так высокомерны, его же народ избрал.

— Я вообще не понимаю, что такое народ. Люди — все разные. А народ — это такая условная историческая категория. Скажем, народ победил Наполеона. Верно. А в остальных случаях мы имеем дело

просто с населением. И Жириновского выбрал не народ, а какая-то часть населения, увидевшая в нем благодетеля. А уважать? Не думаю. Считаться — приходится.

— Булат Шалвович, мы знаем, что вы стараетесь по возможности избегать светских приемов, всяческих мероприятий, куда вас постоянно и настойчиво приглашают. Как писатель вы дорожите независимостью от политической конъюнктуры. Но ведь не всегда удается? Недавно вы поставили, например, свою подпись под обращением к президенту, чтобы он не ездил в Чечню.

— Да, подписал. Считал, что такая поездка ничего, кроме риска для его жизни, не несет. Тогда зачем она нужна? Я понимаю, что и собирание подписей под письмом, вероятно, тоже политическая игра, но я высказываю свое личное мнение: не ездить туда надо президенту, а думать о том, как выводить войска и заплатить чеченцам за разрушения, которые мы там сделали. А потом оставить их в покое.

— Представляете, какое возмущение ваши слова вызовут, и не только у военных? Сколько наших ребят там погибло и Россия должна еще и платить? Не говоря уже о доводах: криминализованный территория, вооруженные бандформирования...

— Я не хочу никого убеждать. У каждого — своя точка зрения. Да, наверное, многие возмутятся. Но

войну ведет наше государство. И разве меньше оно тратит сейчас средств на убийство людей? А что касается криминальности, уголовщины, преступности... Это ведь очень выгодно объявлять главными преступниками чеченцев. А если познакомиться с судебной статистикой, которая не распространяется, то видно, что отнюдь не чеченцы там на первом месте. Преступники есть везде, во всех регионах. У нас, например, в Солдечке есть бандформирования. Почему же их не бомбят?

Думаю, к сожалению, правы люди, считающие, что главная причина этой войны — экономическая. А уже на втором месте — территориальные претензии и опасения, что другие республики тоже начнут требовать независимости.

— Как говорит президент, если вывести все войска, там начнется вооруженная борьба за власть между различными группировками. Это ведь не лишено оснований? В Чечне два правительства — Яндарбиева и Завгаева, есть и другие лидеры.

— Наверное, начнут выяснять отношения. Но это — их дело. Что касается Завгаева, то все понимают, что выборы проводились под дулами орудий. Теперь уже стали говорить, что весь чеченский народ против дудаевщины, а действует небольшая горстка бандитов. Ничего подобного! Я вижу по телевизору лица этих людей, толпы, которые требуют вывода войск. Мы привыкли к тому, что было раньше — красные и белые, белобандиты. Усвоили терминологию и продолжаем легко ею пользоваться. Помните, у нас были славные разведчики, а у них — подлые шпионы?

Самое ужасное, что продолжает существовать ложь. Советское вранье. Кто бомбил, какие самолеты? Неизвестно. Начиная с президента, никто не знает, чи самолеты бомбили села. Всем ведь ясно, что кроме наших — никому. Нет, делают большие глаза.

— Все-таки трудно сейчас лгать так беззащитно, как глгали раньше. Перекрывать все каналы информации не просто.

— Прорывается, и слава Богу. Но основная масса верит тому, что ей говорят, или хочет верить. Видимо, потому и президент хочет верить не фактам, а своим генералам...

Юрий ЛЕПСКИЙ,
Ольга СОЛОМОНОВА.

P.S.

Пожалуй, нет сегодня у нас проблемы более, острее, противоречивее, чем война в Чечне. Наверняка не все разделяют мнения, оценки Булата Окуджавы, — возможно, у кого-то они вызовут и протест. Но это — его позиция, он имеет право высказать ее публично. «Труд» предполагает продолжить тему. Давайте говорить, спорить — это лучше, чем воевать...

Окуджаву Булат

А.Ос.96

— Вот ведь странно как: казалось бы, мы уже ушли и от тоталитарного общества, и от имперски настроенной власти, а кровь льется по-прежнему и власть с упоением воюет...

— Дело даже не в этом. Сегодня всякий разговор о Чечне вызывает желание ругать власть. А это уже надоело. Потому что самая легкая вещь — порицать правителей. Разумеется, их есть за что порицать, но сколько можно?

Для меня Чечня — это не просто сегодняшняя трагедия. Для меня это прежде всего — история России. Здесь проявляются две наши застарелые болезни. С одной стороны, наша неграмотность и абсолютное отсутствие интереса к собственной истории, с другой — политическая амбициозность, нежелание уступать, неумение договариваться. Если представить ситуацию в Чечне в человеческих образах, то мы видим взрослого, плохо воспитанного и не очень грамотного верзилу, которого обидел мальчик с тяжелым характером и тоже дурно воспитанный. Верзила начинает его бить — он же сильнее, а мальчик огрызается...

Если бы мы хоть мало-мальски интересовались своей историей, то знали бы, что Чечня — единственная народность и единственная земля, которая никогда добровольно к России не присоединялась. Все началось с российского инте-

реса к этой территории. Необходимо была связь с Закавказьем, а на пути стоял какой-то маленький народ, который нужно было приструнить и захватить его территорию. Оказалось, что этот народ хочет сопротивляться, может сопротивляться и умеет это делать. Завоевание его длилось около 60 лет — выжигали, уничтожали, лилась кровь. Русская и чеченская. И Россия стала выглядеть в глазах чеченцев захватчиком, оккупантом. Ну а потом чеченцам пришлось как-то смириться. Но все это осталось в генах. Они-то свою историю хорошо знают, как всякий маленький народ.

Прошли годы, все немного успокоилось, и вот в 1944 году снова этот народ был объявлен врагом и выселен на вымирание. И опять несколько поколений выросло на ненависти к насилию, идущему из России. Сегодня мы снова сеем ненависть, которая с молоком матери передается детям. Отсюда — постоянное стремление Чечни к независимости, нежелание присоединяться. «Сепаратизм» — по-нашему, «свобода» — по-чеченски.

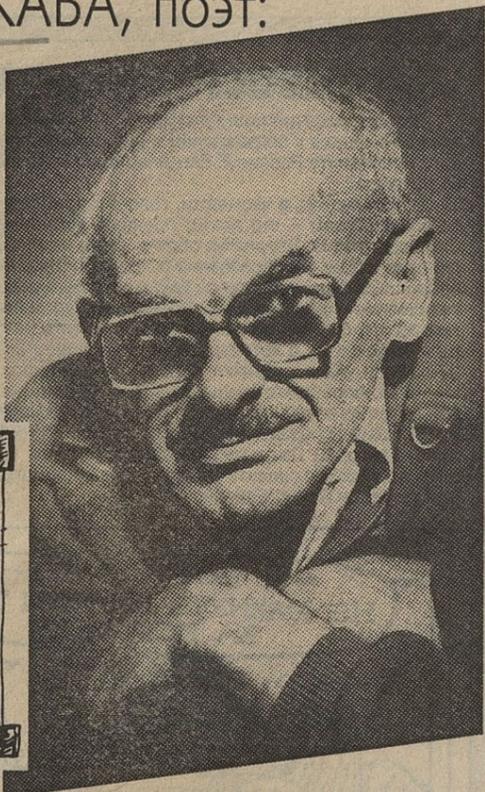
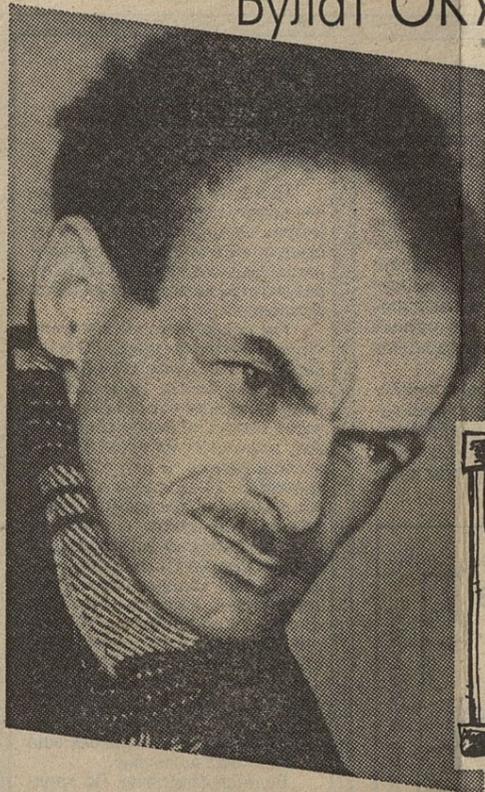
Прав был Дудаев или не прав — мне совершенно не интересно. Меня интересует, почему мы хотим, пользуясь своим могуществом, так просто, силой, решить вопрос с маленьким народом?

— Булат Шалвович, вы говорите «мы». Но все-таки насилие исходит от власти...

— Дело тут не во власти. Пока в нас еще жива эта имперская рабская психология, любая власть будет ее выразителем. Как сказал один мудрец, раб мечтает не о свободе, он мечтает иметь своих рабов. Я встречал очень много неглупых и порядочных людей, которые, раздумывая на чеченскую тему, пытались как-то оправдать действия, направленные на уничтожение маленького народа. Говорили они обычно, не глядя в глаза: ну что поделаешь — все-таки целостность России надо сохранить...

— В начале 90-х годов мы радовались: наконец-то все встало на свои места — государство для человека, а не наоборот, как раньше. Но прошло время, и вот нынешние лозунги компартии Зюганова — «Россия, страна, народ» — нас уже совершенно не коробят, хотя в этом триумвирате человек-то как раз и затерялся.

— Это хроническая наша болезнь и амбиции имперские. Как это ты меня не послушался, не по-моему поступил? Вот я сейчас тебе покажу! И даже когда плохо дело, когда погибло столько наших мальчиков, которых в Чечню согнали бездарные генералы, все показываем. Вместо того чтобы сказать: ладно,

Булат ОКУДЖАВА, ПОЭТ:

«ИНАЧЕ НА МИР Я ГЛЯЖУ»

КОГДА МЫ ДОГОВАРИВАЛИСЬ ОБ ИНТЕРВЬЮ, БУЛАТ ШАЛВОВИЧ СКАЗАЛ, ЧТО БЕСЕДОВАТЬ МОЖНО, КОНЕЧНО, О МНОГОМ, НО СЕГОДНЯ ЛИЧНО ЕГО ПО-НАСТОЯЩЕМУ ВОЛНУЕТ ТОЛЬКО ОДНА ТЕМА — ВОЙНА В ЧЕЧНЕ

давайте сейчас затихнем и разберемся, подумаем, выведем войска, повинимся. Но куда там!

— Мы же никогда не каемся, хоть и считаем себя христианами.

— Да. Не раскаяваемся в своих дурных делах и не помним добрых дел других. Это тоже наша старая болезнь. Например, в двадцатые годы во время гражданской войны Америка помогала нам, спасала от голода. С тех пор прошли десятки лет. Ну хоть раз в выступлении кого-то, где-то было сказано спасибо? Нет. Во время Отечественной войны я сам уже носил американскую обувь, одежду, пользовался американским оружием, ел американскую тушенку и прочее. Хоть раз спасибо сказали? Ничего не сказали.

Кого винить за Чечню? Сегодня Ельцин отвечает как президент, завтра будет Петров, потом Сидоров. Какая разница? Мы все — из советской школы, все с одной психологией.

— Не сгущаете ли вы краски? Ситуация с Чечней как раз показала, что психология меняется. Сколько людей выступили против этой войны! Тот же Сергей Ковалев, который протестовал с самого ее начала. Да и сегодня он единственный из гайдаровской партии выступил против поддержки Ельцина на выборах...

— Все-таки надо быть практиком. Размахивать руками мало толку, надо считаться с реальной ситуацией. У меня тоже тысячи претензий к Ельцину, но я знаю его, знаю, на что он способен. Сейчас речь идет не о том, кто чуть лучше, чуть хуже, — слишком велика угроза прихода к власти коммунистов. По этому для меня выбора нет — голосовать надо за Ельцина.

У меня такое ощущение, что он уже давно понял свою ошибку с Чечней. Ощущение это складывается по каким-то отдельным репликам президента, по выражению его лица. Я ведь все-таки профессионал — выражение лица для меня очень важно. Чувствую, он давно уже сам с собой не согласен и считает, что не совсем был прав. Но признаться и заявить об этом не может.

— Тут, наверное, и окружение президента играет немалую роль?

— Вокруг него много всяких людей. И, к сожалению, его недовольство, я чувствую это, легко направить на других. Не случайно Явлинский потребовал убрать из руководства некоторых людей. Думаю, их

гораздо больше, чем он назвал.

— Говорят, короля делает свита.

— Может, я не прав, но мне кажется схема тут простая. Мы начали строить демократическое общество, не понимая, что такое демократия. Во всяком случае, какая-то часть людей этого хотела. Пришел Ельцин, его поддержали, он всем благодарен. Но потом поддержавшие его люди стали выражать свое несогласие с тем, с другим, с третьим, критиковать стали. Его это оскорбляло и обижало. Вот тогда он и сказал: да идите вы от меня подальше, лучше я буду с Грачевым — свой человек. И так постепенно всех мало-мальски образованных, приличных людей убрал. Конечно, не все из них — идеальные люди.

— Вы считаете, что это — психология конкретного человека или традиции нашей политической культуры, вернее, отсутствие таковой?

— Когда я говорил, что мы всегда отличались отсутствием культуры — политической, экономической, нравственной — мне возражали: позвольте, а наша великая литература? Да, великая. Но кто ее создавал? Кучка дворян, связанных с Западом, хорошо воспитанных, образованных, в которых проявился талант. А потом их всех уничтожили. Осталась в основном серая, малообразованная масса. Что ж говорить? Бескультурие наше, холопство начинается еще с крепостного права. Мы все время ждем, что придет хороший хозяин и все решит. В старые времена ждали барина, царя, потом — что скажет генсек, секретарь ЦК. Большевиком ведь ничего нового не создал, он только усугубил старые пороки. Я считаю, что большевик — это наше, российское явление, связанное с нашей психологией, с нашими корнями. Так же, как нацизм — немецкое, фашизм — итальянское, маоцзедунизм — китайское.

— А сегодняшнее время как бы вы определили? Понятно, что большевик как психология еще жив, но ведь многое изменилось. Мы вот с вами сидим и спокойно беседуем о Чечне, о президенте, потом публикуем наш разговор в газете...

— Принято называть это время переходным периодом. Я согласен.

Мы хотим быть цивилизованным обществом, культурным, гуманным. Но этому надо долго учиться. И лечиться — долго. Для другого общества переходный период может быть и коротким, а для нашего необходим долгий и очень трагичный. Лучший здесь учитель — обстоятельства.

В 85-м году мы, по своему сознанию холопы, не привыкшие самостоятельно жить, пришли к совершенно новым обстоятельствам. Прошло лет пять. Помню, были выборы, кажется, в Верховный Совет. И туда в числе других баллотировался художник Илья Глазунов. Я тогда с ужасом подумал: ну если он избирается — плохо наше дело. Потому что я знаю его радикальные взгляды и в то же время знаю, что он очень популярен — очереди на его выставку стояли по 2 — 3 месяца. Но его не избрали. И я понял, что люди уже немножко поумнели, обстоятельства стали вынуждать их думать.

Так же и сейчас. Хотя многие находятся в некотором шоке, в безвыходном, казалось бы, состоянии, но все думают, размышляют, спорят — ищут какую-то истину, правду. И будут искать долго. Если на этот раз неправильно определят ее — скажем, выберут коммунистов, — на своей шкуре снова испытают все, закричат от ужаса, поймут сами и детям своим накажут. Так постепенно будет вырабатываться новая психология. Нахлебаемся, тогда пойдем.

— Разве обязательно нахлебаться, чтобы понять?

— Очень немногие умеют думать самостоятельно. Остальным, чтобы понять, надо все почувствовать на себе.

— Должны ли мы уважать выбор народа, даже если он ошибается? Известно, что многие политики, да и вообще культурные люди не хотят общаться, стараются держаться подальше, например, от Жириновского. А им говорят: что это вы так высокомерны, его же народ избрал.

— Я вообще не понимаю, что такое народ. Люди — все разные. А народ — это такая условная историческая категория. Скажем, народ победил Наполеона. Верно. А в остальных случаях мы имеем дело

просто с населением. И Жириновского выбрал не народ, а какая-то часть населения, увидевшая в нем благодетеля. А уважать? Не думаю. Считаться — приходится.

— Булат Шалвович, мы знаем, что вы стараетесь по возможности избегать светских приемов, всяческих мероприятий, куда вас постоянно и настойчиво приглашают. Как писатель вы дорожите независимостью от политической конъюнктуры. Но ведь не всегда удается? Недавно вы поставили, например, свою подпись под обращением к президенту, чтобы он не ездил в Чечню.

— Да, подписал. Считаю, что такая поездка ничего, кроме риска для его жизни, не несет. Тогда зачем она нужна? Я понимаю, что и собиравшие подписей под письмом, вероятно, тоже политическая игра, но я высказываю свое личное мнение: не ездить туда надо президенту, а думать о том, как выводить войска и заплатить чеченцам за разрушения, которые мы там сделали. А потом оставить их в покое.

— Представляете, какое возмущение ваши слова вызовут, и не только у военных? Сколько наших ребят там погибло и Россия должна еще и платить? Не говоря уже о доводах: криминализируемая территория, вооруженные бандформирования...

— Я не хочу никого убеждать. У каждого — своя точка зрения. Да, наверное, многие возмутятся. Но войну ведет наше государство. И разве меньше оно тратит сейчас средств на убийство людей? А что касается криминальности, уголовщины, преступности... Это ведь очень выгодно объяснять

главными преступниками чеченцев. А если познакомиться с судебной статистикой, которая не распространяется, то видно, что отнюдь не чеченцы там на первом месте. Преступники есть везде, во всех регионах. У нас, например, в Солнцево есть бандформирования. Почему же их не бомбят?

Думаю, к сожалению, правы люди, считающие, что главная причина этой войны — экономическая. А уже на втором месте — территориальные претензии и опасения, что другие республики тоже начнут требовать независимости.

— Как говорит президент, если вывести все войска, там начнется вооруженная борьба за власть между различными группировками. Это ведь не лишено оснований? В Чечне два правительства — Яндарбиева и Завгаева, есть и другие лидеры.

— Наверное, начнут выяснять отношения. Но это — их дело. Что касается Завгаева, то все понимают, что выборы проводились под дулами орудий. Теперь уже стали говорить, что весь чеченский народ против дудаевщины, а действует небольшая горстка бандитов. Ничего подобного! Я вижу по телевизору лица этих людей, толпы, которые требуют вывода войск. Мы привыкли к тому, что было раньше — красные и белые, белобандиты. Усвоили терминологию и продолжим легко ею пользоваться. Помните, у нас были славные разведчики, а у них — подлые шпионы?

Самое ужасное, что продолжает существовать ложь. Советское вранье. Кто бомбил, какие самолеты? Неизвестно. Начиная с президента, никто не знает, чьи самолеты бомбили села. Всем ведь ясно, что кроме наших — никому. Нет, делают большие глаза.

— Все-таки трудно сейчас лгать так беззащитно, как лгали раньше. Перекрывать все каналы информации не просто.

— Прорывается, и слава Богу. Но основная масса верит тому, что ей говорят, или хочет верить. Видимо, потому и президент хочет верить не фактам, а своим генералам...

Юрий ЛЕПСКИЙ,
Ольга СОЛОМОНОВА.

P.S.

Пожалуй, нет сегодня у нас проблемы более, острее, противоречивее, чем война в Чечне. Наверняка не все разделяют мнения, оценки Булата Окуджавы, — возможно, у кого-то они вызовут и протест. Но это — его позиция, он имеет право высказывать ее публично. «Труд» предполагает продолжить тему. Давайте говорить, спорить — это лучше, чем воевать...